

ОТЗЫВ

официального оппонента Гачевой А.Г.

о диссертационном исследовании Эльвиры Викторовны Зайцевой
«Архитектоника эстетического объекта в литературном произведении»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Диссертация Эльвиры Викторовны Зайцевой обращена к «эстетике словесного творчества» и ее центральной категории — «эстетическому объекту в его неслиянно/нераздельном единстве содержания и формы» (с. 6). Реагируя на ситуацию девальвации культуры, стремительно набирающей темп в последние десятилетия, она стремится реабилитировать эстетическую природу творчества, вернуть автора в творческий процесс, утвердить его ключевое положение в нем и одновременно — глубинное единство с воплощаемым им героем и раскрывающимся им навстречу читателем, и наконец, опираясь на ранние работы М.М. Бахтина, целостно раскрыть понятие архитектоники «как главной категории эстетики словесного творчества» (с. 14), утвердить «человекоцентричность эстетического объекта», воплощающего в слове «духовное содержание» (с. 30).

Актуальность предпринятой в диссертационном исследовании реабилитации эстетического, неразрывной с реабилитацией человека творящего, сомнению не подлежит. Перед современной гуманитарной наукой все настойчивее встает вопрос о том, какие вызовы несет в себе стремительно нарастающая после появления систем GPT волна увлечения творчеством при помощи искусственного интеллекта. Подобное творчество превращает человека из полноценного субъекта творческого процесса в заказчика, ставящего перед искусственным интеллектом, возведенным им в ранг «творца», ту или иную задачу и затем «принимающего» работу. В контексте нарастающих споров о «творческих» возможностях ИИ, способного превзойти человека в создании шедевров искусства, актуально звучат слова диссертанта, подчеркивающего значение в художественном процессе *человеческой энергии, энергии творящей личности*: «Без оживотворяющей произведение содержательной энергии автора, героя, читателя нет эстетического объекта» (с. 35 диссертации).

Исследование носит междисциплинарный характер, выстраиваясь на пересечении теоретического литературоведения, эстетики, философии и богословия. Органическая взаимосвязь указанных дисциплин и присущих им оптик дает значимый результат. Итогом исследования становится созданная диссертантом с опорой на философскую и литературоведческую традиции концепция эстетической деятельности, творчески вбирающая в себя эвристический потенциал христианского богословия в части, касающейся утверждения двух главных догматов — о Троице и о Богочеловечности

Иисуса Христа, трактуемых в соответствии с традицией русской религиозно-философской мысли творчески-проективно: принципы устройства Божественной жизни (неслиянно-нераздельное единство Лиц Пресвятой Троицы), единство двух природ — Божественной и человеческой в Иисусе Христе — предстают продуктивной моделью соотношения в эстетическом акте формы и содержания, а также автора, героя, читателя.

Исследование опирается на прочный теоретический фундамент, продолжая и развивая традиции бахтинской школы литературоведения, заложенные на кафедре теоретической и исторической поэтики РГГУ С.Н. Бройтманом, лично общавшимся с М.М. Бахтиным, Н.Д. Тамарченко, и наконец, трудами научного руководителя Э.В. Зайцевой, выдающегося русского литературоведа В.И. Тюпы. При этом, обращаясь к эстетике словесного творчества М.М. Бахтина, исследователь убедительно раскрывает ее глубинную связь с фундаментальными истинами христианства, то «логосное» начало, которое, по убеждению В.Ф. Эрн, определяет развитие мысли о мире, человеке, культуре в отечественной гуманитаристике и которое в свою очередь находит свою основу в Евангелии, в представлении о творящем мир Слове.

В первой главе диссертации, посвященной «взаимодействию богословия, философии, эстетики в области теории словесного творчества», Э.В. Зайцева представляет целостный очерк развития философской и религиозной теории искусства, от А. Баумгартена и Шеллинга до В.С. Соловьева и отца Павла Флоренского, вводит ключевые для предпринятого исследования понятия эстетического объекта и архитектоники художественного произведения, рассматривая их в историческом аспекте, «собирая» через аналитический разбор теоретических построений классиков философии и эстетики, апеллируя к современным исследованиям. Особую ценность представляет третий параграф работы — «Теология как теоретическая база философии искусства», в котором обосновывается возможность применения богословского знания к области эстетической теории, рассмотрения искусства сквозь призму верующего мышления.

Ставя богословие на службу эстетики, подобно тому как в Средние века философия была «служанкой богословия», Э.В. Зайцева вводит в сферу теории художественного творчества те идеи и интуиции, которые в богословской традиции относятся к сфере теологуменов или неканонических, а то и признанных еретическими определений. Среди подобных идей, продуктивных для построения эстетической теории, диссертант выделяет оригеновскую идею предсуществования душ, транспонируя ее на представление о «предсуществовании художественных образов», учение об апокатастасисе, соотнося его с обозначенной в ранних работах М.М. Бахтина идеей «эстетического спасения» «сотворенного мира» (с. 58 диссертации), софиологию прот. Сергия Булгакова, утверждающую идеал духоносной красоты, просветленную энергетику любви, преображающей творческий акт.

Рассматривая эстетическую деятельность в контексте халкидонского

богословия и паламитского синтеза, активно используя богословский инструментарий, проводя аналогии между неслиянно-нераздельным, основанным на любви и творчестве соотношением Божественных Лиц в Троице и автора — героя — читателя в художественном процессе, Э.В. Зайцева предостерегает от нарушения свободного, равноправного, неслиянно-нераздельного взаимодействия богословия и эстетики, подчеркивая сущностную автономность как самой науки о художественном творчестве, так и собственно художественного акта. Последний, подчеркивает исследователь, есть проявление не Божественного, а именно человеческого творчества, но при этом разворачивающегося по тому алгоритму, который присутствует в акте творения мира Богом, с одной стороны, и вочеловечения Спасителя внутри человеческой истории — с другой.

Утверждение автономности сферы художественного, не позволяющей ей субординационно подчиниться вере, для Э.В. Зайцевой принципиально. Именно эта автономность, с ее точки зрения, обеспечивает неслиянно-нераздельный, принципиально равноправный характер взаимодействия богословия и философии в художественном акте. «Мир художественных шедевров искусства одновременно и философский, и богословский. Сама суть эстетического объекта философская платоническая, а методы его актуализации кроются в сакральной природе человека, способного вступать в эстетические троичные отношения автора/героя/читателя» (с. 67 Диссертации).

Вторая глава диссертации может быть названа в полном смысле слова новаторской. Здесь дается развернутый и убедительный анализ ранних эстетических работ М.М. Бахтина «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» и «Автор и герой в эстетической деятельности», прочитываемых сквозь призму христианского богословия. Э.В. Зайцева доказывает, что ключом к представлению Бахтина о типе соотношения содержания и формы в художественном произведении является халкидонский догмат, утверждающий соединение двух природ и двух волей во Христе «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно». Лежащие в основе христианской веры постулаты о творении мира Божественным Словом, о создании человека как высшем проявлении Божественной любви, о вочеловечении Божества, Крестной жертве, тайне общения Божественных Лиц, о Божественных энергиях, пронизывающих бытие и открывающихся человеку, транспонируются М.М. Бахтиным в сферу эстетики. Опираясь на них, мыслитель определяет законы художественного мира, творимого человеческим словом.

В бахтиноведении в течение многих лет идут споры об отношении М.М. Бахтина к христианству, участники которых занимают полярные позиции. Диссертация Э.В. Зайцевой вносит существенный вклад в разрешение этого спора, демонстрируя присутствие христианских истин не просто в личном мировоззрении мыслителя, но в самом методе его

философской и филологической работы. Связь предпринятого Бахтиным построения эстетики словесного творчества с христианским богословским наследием убедительно доказана диссертантом.

Третья, самая объемная, глава диссертации представляет собой опыт применения авторской концепции архитектоники эстетического объекта к анализу произведений русской литературы разных периодов, от «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова до романа современного писателя О. Стрижака «Мальчик», что позволяет, с одной стороны, апробировать теоретические построения на конкретном художественном материале, а с другой — показать их универсальность, их применимость к литературным текстам разных эпох, к разным стадиям литературного процесса. Эту главу отличает мастерство филологического анализа, филигранность работы с текстом, тематическая и смысловая насыщенность. Содержание главы продолжено в двух приложениях, одно из которых посвящено лермонтовской «Тамани», рассмотренной в контексте семантики погребального обряда и похоронной причеты, а другое — связи речевой структуры повести «Княжна Мэри» с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина и значению этой связи для характеристики главного героя — Печорина.

Представленная к защите диссертация — целостная, завершенная, самостоятельная, в полном смысле слова выношенная работа, демонстрирующая не только высокий научный уровень соискателя, но и живое развитие бахтинской традиции в современных теоретико-литературных исследованиях. Безусловно поддерживая выводы диссертанта о необходимости сопряжения «эстетики словесного творчества» и богословия, отвечающего религиозному характеру отечественной философской мысли и продуктивного для исследования явлений художественной словесности, хотела бы указать на намечающееся в тексте диссертации внутреннее противоречие. С одной стороны, автор диссертации опирается на халкидонское богословие, утверждающее богочеловечность Христа и богочеловечность человеческого действия, универсальность стоящего за ними образа мира и человека, а с другой — подчеркивает, что в отличие от христианской догматики, имеющей дело с двумя реальностями — Божественной и человеческой, сфера эстетики и художественного творчества имеет дело с человеческим и только человеческим измерением.

Согласился ли бы сам Бахтин с подобной редукцией религиозного начала в сфере эстетики, создающей ситуацию, при которой вместо «не-алиби в бытии» человеку дается законное «алиби» по отношению к Божественному измерению бытия, а значит — внутреннему росту личности, ее восхождению к совершенству? В его работах «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» и «Автор и герой в эстетической деятельности», образующих единое смысловое поле и со статьей «Искусство и ответственность», и с работой «К философии поступка», и со знаменитой книгой «Проблемы творчества Достоевского» (1929), утверждается Божественное измерение бытия, стоящего за

событиями, совершающимися в человеческой истории и культуре. Приведу цитату из работы «К философии поступка»: «Великий символ активности, отошедший Христос, в причастии, в распределении <?> плоти и крови его претерпевая перманентную смерть, жив и действен в мире событий именно как отошедший из мира, его не-существованием в мире мы живы и причастны ему, укрепляемы. Мир, откуда ушел Христос, уже не будет тем миром, где его никогда не было, он принципиально иной» (Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 18). Тем самым мы можем сказать, что для Бахтина акты эстетической деятельности совершаются в богосотворенном мире, в мире, где совершилось Воскресение Христово. Творческое действие человека энергично связано с этим главным событием бытия: «мы живы и причастны ему, укрепляемы». Эмансипация эстетической деятельности от религиозной основы мира тем самым онтологически невозможна. Эстетический акт как поступок, в котором автор творит героя и художественную вселенную в любви и свободе, осуществляется, как сказала бы литературовед-теоретик Т.А. Касаткина, «в перспективе Бога», в сотворенном Богом мире, совершается в «неслиянно-нераздельном» единстве с Творцом, в синергии с Ним.

Синергия Божественного и человеческого манифестирована не только в акте Боговоплощения («инкарнации» Божественного в человеческое), но и во всех актах действия Христа в мире (исцеления, воскрешение, утишение бури, фаворское преображение и финальное Воскресение), которые могут быть рассмотрены с эстетической точки зрения, как религиозно-художественные акты, направленные на исцеление послегрехопадного, смертного мира, восстановления его в красоте, неразрывной с благом и совершенством. Именно так, как религиозно-художественное действие, прообразующее будущее религиозно-художественное действие человека, трактовал дело Христа в мире Н.Ф. Федоров и именно отсюда растет его идея теoантропоургического искусства будущего, которое в союзе с наукой и религией восстановит мир «в то благолепие нетления, каким он был до падения» (Федоров Н.Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1995. С. 401).

В своих ранних эстетических работах, как и в «Проблемах творчества Достоевского», Бахтин, разрабатывая сферу эстетики и теории литературы, делает то, что в свое время сделал В.С. Соловьев в книге «Оправдание добра». Соловьев предпринял опыт построения нравственной философии, сознательно дистанцируясь от богословского дискурса, опираясь только на категории этики. Но этот опыт осуществлялся верующим философом, в картине мира которого Бог-Троица, воскресение Христово и движение мира к обожению занимают центральное место. И потому за его тезисом о добре как верховной ценности и абсолютном основании нравственности имплицитно присутствует богословское представление об абсолютной благодати Божией, а целью «нравственной организации человечества в его целом» ставится движение к Царствию Божию и «воскресению всех», фактически отсылающее к христианской эсхатологии. Так же и Бахтин,

создавая эстетику словесного творчества, выстраивает ее в христианской системе координат, имплицитно присутствующей в его построениях, составляющей как бы каркас его суждений об искусстве, что, кстати, убедительно показано в диссертации самим ходом анализа материала. И вряд ли бы Бахтин согласился с той радикальной редукцией, которая предложена Э.В. Зайцевой, допускающей возможность «убрать из литургии» веру в Крестную жертву и Воскресение Спасителя и «посмотреть на литургию как на семиотическое действие» (с. 59 Диссертации). Для самого Бахтина символизм литургии, расширяемый на сферу художественного творчества, не исключал, а подразумевал тайну Крестной жертвы и Воскресения. Именно отсюда в его философии поступка рождается принцип «я для другого», а в финале философии поступка и эстетике словесного творчества — представление об истощании автора, творящего художественный мир в акте любви и жертвы, концепция «эстетической любви» как принципа «эстетического видения» (Т. 1, с. 58).

Постулирование автономности эстетики чревато деистическим разрывом Бога и мира, Божественного и человеческого действия, в то время как халкидонское богословие, на которое и опирается автор диссертации в своем выстраивании концепции эстетической деятельности, утверждает синергизм Бога и человека, проявляющийся в самом творческом акте, что совершенно не умаляет человеческой природы и человеческого действия, как не умалена, согласно халкидонскому догмату, человеческая природа в Богочеловеке, но равноправна и равночестна Божественной.

Более того, сам Бахтин в финале работы «К философии поступка» подчеркивает необходимость осмысления этики и эстетики в перспективе христианской идеи любви и жертвы, отмечая, что само утверждение «я для другого» вытекает из «христианской нравственности», но целостного «научного обоснования» «этот принцип нравственности еще не получил».

В некотором смысле философ делает то, что делал параллельно ему физиолог и религиозный мыслитель А.А. Ухтомский, стремившийся оправдать веру наукой, выстраивавший космологическое доказательство бытия Божия и обосновывавший принцип доминанты душевной жизни, который раскрывает полноту своего значения только в христианской перспективе. Так и построения М.М. Бахтина в его ранних (и не только ранних) эстетических работах обретают полноту своего значения, только будучи поставлены под софиты христианской идеи. Эстетика словесного творчества – то же оправдание веры наукой, только в сфере гуманитарного знания.

Высказанные соображения имеют рекомендательный характер и никак не умаляют масштаба и значения проведенного исследования, имеющего новаторский характер и вносящего существенный вклад в изучение эстетики словесного творчества, значимой для современного бахтиноведения. Работа Э.В. Зайцевой, безусловно, достойна того, чтобы быть опубликованной как научная монография.

Основные положения, выносимые на защиту, убедительно доказаны в ходе проведенного исследования. Автореферат и публикации соискателя, в том числе 4 статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, с необходимой полнотой отражают основные результаты проведенного исследования.

Диссертация «Архитектоника эстетического объекта в литературном произведении» полностью отвечает требованиям 9-11, 13-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор, Зайцева Эльвира Викторовна, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3. «Теоретическая литературы».

Официальный оппонент,

Гачева Анастасия Георгиевна

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник,

заведующий Отделом новейшей русской литературы

и литературы русского зарубежья

ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук» (ИМЛИ РАН)

Контактные данные:

тел.: +79057584354

e-mail: a-gacheva@yandex.ru

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1.

09.06.2026

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН

Семин И. В.